

Норманская Ю.В.

julianor@mail.ru, т. 583-71-51, 8-905-5871565

Cult of birch and birch names in the languages, which are preserved in

Sibir and Volga origin (on the base of the material of the Turkic and Uralic languages)

In this article on the basis of the materials devoted to birch names, we have suggested, that there is a dependency between the preservation of any cult and the words, which characterize this cult. In those cases, when the tradition of the idolatry of some cult is not discontinued, the words, which characterize this cult are preserved (for example the preservation of the birch name in modern Altaic, Sibir Tatar, Shor, Yakut, Chuvash, Mari). With the changes of religion ceremonies, these cult-related words disappear (for example the appearance of the new birch names in Komi, Udmurt, Khant).

Культ березы и ее название у народов Сибири и Поволжья

(на материале тюркских и уральских языков).

В этой работе мы рассмотрим вопрос о связи культа и сохранности рефлексов слова, называющего этот культ в праязыке, в современных языках-потомках. Мы предполагаем, что существует связь между сохранностью культа и слов, описывающих этот культ. В тех случаях, когда традиция поклонение предмету культа не прерывается, сохраняются и слова, его обозначающие (ср. сохранение названия березы у алтайцев, сибирские татар, шорцев, якутов, чувашей, марийцев). При изменении религиозных обрядов уходят и слова с ними связанные (ср. появление новых названий для березы у коми, удмуртов, хантов).

Норманская Ю.В.

(Институт Языкознания РАН, Москва)

**Культ березы и ее название у народов Сибири и Поволжья
(на материале тюркских и уральских языков)¹.**

Настоящая работа посвящена причинам сохранения vs. исчезновения названий растений при диахроническом изменении языка. Традиционно считается, что сохранность праязыковых названий растений в языках потомках связана с тем, растут ли эти растения на современных территориях обитания носителей дочерних языков. И наоборот, если какие-то названия растений надежно реконструируются для праязыка, то считается, что носители праязыка жили там, где произрастали эти растения. Однако, анализируя названия березы, которая произрастает практически по всей Евразии, мы пришли к выводу, что вероятно, не только ботаническое распространение дерева важно для сохранения его названия в языках потомках, но и вероятно его роль в культовых обрядах этносов, носителей дочерних языков.

В этой работе мы рассмотрим вопрос о связи культа и сохранности рефлексов слова, называющего этот культ в праязыке, в современных языках-потомках.

Связь культа и названия культа - это большая тема, которая неоднократно была рассмотрена в мировой литературе (ср. [12] и др., см. подробный анализ литературы в этой работе).

Но, насколько нам известно, ранее уделялось внимание в основном синхронной табуированности тех или иных слов. В настоящей статье будет рассмотрена проблема сохранения названия культа в диахронии на примере названия березы в языках Сибири и Поволжья, носители которых сейчас или ранее поклонялись этому дереву.

Мы бы хотели подчеркнуть принципиальную разницу культового и ритуального использования березы для сохранения ее названия в языках потомках и проиллюстрировать это различие на примере тюркских, уральских и индоевропейских языков. Понятие «культ дерева» употребляется нами в том случае, когда засвидетельствованы факты молитвы носителей языка, обращенной к определенному

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-04-00482а.

дереву. Такие данные собраны о поклонении носителей тюркских и уральских языков Поволжья березе.

«Ритуальное» использование того или иного дерева мы вслед за Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Ивановым постулируем в том случае, если есть свидетельства почитания носителями языками этого дерева, использования его в культовых ритуалах (но не в качестве главного объекта поклонения). На лингвистическом уровне это проявляется в наличии метафорических переносов, дополнительных значений у названия дерева.

Как раз такая ситуация представлена, по мнению Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова (ср. [4: 620]), у индоевропейцев. Праиндоевропейское название березы **bherg'*- хорошо сохранилось в большинстве древних и современных индоевропейских языков (в индо-иранских, италийских и балто-славяно-германских).

Насколько нам известно, нет данных о молитвах носителей индоевропейских языков, обращенных к березе. Но есть прямые и косвенные свидетельства ритуального использования берез у индоевропейцев. Береза была святым деревом у славян, символом девичьей чистоты. Путешественник Энгельгардт в 1781 г. наблюдал близ Ардона священную березовую рощу осетин. К деревьям давно никто не прикасался, опасаясь неизбежного несчастья. Поэтому роща превратилась в густой лес, где роились пчелы и водилась всякая дичь.

В работе [4: 620] приведены лингвистические подтверждения ритуального использования березы. В частности в фольклоре балтийских и германских народов сохранились устойчивые употребления, при которых слово 'береза' выступает в значении 'чистоты, невинности'.

Особенно интересен с этой точки зрения хеттский язык. В нем зафиксировано слово *parku-* 'ритуально чистый, невинный'. Эту хеттскую форму традиционно, например в [20: 140], с индоевропейской основой **bherg'-u-*.²

Таким образом, на примере индоевропейских языков видно, что ритуальное использование дерева, в общем случае³, не ведет к исчезновению его рефлекса или смене их значения в языках-потомках.

² Учитывая выводы, полученные в настоящей работе о сохранении vs. исчезновении названий березы в зависимости от сохранения древнего культа у носителей современных языков (см. ниже), нельзя исключить существование культа березы у древних хеттов, в связи с более поздним исчезновением которого, могла произойти смена значения у рефлекса праиндоевропейского названия березы в хеттском языке. Однако, это предположение является весьма гипотетичным, потому что, во-первых, у нас нет никаких доказательств существования культа березы у хеттов, во-вторых, возможно, изменение значения слова связано с географией распространения березы.

³ Отдельно следует рассматривать случаи, когда дерево не произрастает на территории распространения того или иного языка-потомка.

Когда мы обращаемся к названию березы в языках Поволжья, для которых, как уже было сказано, есть доказательства существования культа березы, обращает на себя внимание тот факт, что хотя береза растет практически на всей территории распространения тюркских и уральских языков (см. [7: 293]), названия березы хорошо сохраняется во всех тюркских языках, а в уральских языках, наоборот, весьма нестабильно.

Ср. этимологию тюркского названия березы ПРОТО **Kadıŋ* 1 береза 2 бук 3 черемуха КРХ.-УЙГ. *qadıŋ* (МК) 1, *qajıŋ* (QB) 1 СР.-КЫПЧ. *qajın* (Houts.) 1 ТУР. *kajın* 2 ТАТ. *qajın* 1УЗБ. *qejin* 1 УЙГ. *qejin* 1 АЗ. *Gajın* 1 ТУРК. *Gajıŋ* 1 ХАК. *xaziŋ* 1 ШОР. *qaziŋ* 1 АЛТ. *qajıŋ* 1 ЧУВ. *хогън* 1 ЯК. *xatıŋ* 1 ДОЛГАН. *katıŋ* 1 ТУВ. *xadıŋ* 1 ТОФ. *qadıŋ* 1 КИРГ. *qajıŋ* 1 КАЗ. *qajıŋ* 1 НОГ. *qajıŋ* 1 БАШК. *qajın* 1 ККАЛП. *qajıŋ* 1 КАРАЧ. *qajın* 1 ГАГ. *qajın* 1 КУМ. *qajınayac* 1 КБАЛК. *qajun* 1, 3 см. [21: 218], [10: 214, 215], [8: 179].

Рефлекс уральского названия березы, **kojwa* не сохраняется в коми, удмуртском, хантыйском языках, ср. этимологию:

- ПУ **kojwa* 'береза' [22: 169].

Береза: ФИН.: *koivu*,

ЭСТ.: *kõiv* (gen. *kõivu*),

СААМ.: *koajčvū*, *koajvū* (Pitä) ?,

МОРД.: *kílej*, *kílej* (Е), *kclu* (М) 'береза', *kiv-ger* (Е), *kuj-ger* (М) 'березовая кора', *kujte* (Е), *kujmä*, *kujvä* (М) 'короб', *kujta* (М) 'большой деревянный сосуд', *kujná* 'коробочки из коры вяза',

МАР.: *kuvi*, *koivi* (KB), *kuе* (U B),

МАНС.: *kě́l* (TJ), *kě́l* (TG P), *χá́l* (KU So.),

ВЕНГ.: *hajó* 'корабль' (диал. *hijó*, *hijó*, *híjó* 'лодка') ?,

НЕНЕЦ.: *χo* (O), *kujku* (Lj.) 'береза',

ЭНЕЦ.: *kuа*, *kūа*,

НГАН.: *kuа*,

СЕЛЬКУП.: *köе* (Ке.),

КАМАС.: *kujш*, *kojш*

МАТОР.: *kuga*

См. [23], [15], [25], [14].

Мы вслед за [17: 289] предлагаем сравнить в эту этимологию МАТОР. *kua, kuge* 'береза'.

В UEW высказано предположение о том, что саамское слово заимствовано из финского языка. Мы не видим оснований для такого предположения, потому что фонетически саамское слово является закономерным рефлексом ПУ **kojwa*. Для венгерского слова *hajo* авторы UEW предполагают следующее развитие значения 'береза' > 'корзинка, короб из берестяной коры' (ср. мордовский, где такой смысловой переход реально зафиксирован) > 'из очищенного дерева или древесной коры сделанная лодка' > 'корабль'. Ср., например, похожее смысловое развитие в финском синхронном словообразовании *haara* 'осина' и *haarjo* 'лодка из древесины осины'. Несмотря на то что, венгерское слово фонетически является закономерным рефлексом уральского ПУ **kojwa*, авторы UEW не исключают, что оно могло быть заимствовано из тюркских языков, ср. тур. *qayıq* 'лодка'. Отметим также не вполне ясные рефлексы ПУ **o* в мордовском языке. Непонятно, как объяснить передний ряд гласного и переход ПУ **jw* > *í* в МОРД. *kílej, kíleŋ* (Е), *kelu* (М) 'береза'. Изменение вокализма не удается интерпретировать, как результат воздействия ПУ **jw*. Нам кажется, что эти мордовские формы должны быть исключены из сравнения как вероятные заимствования.

В финно-угорском языке появляется новое название березы **kucV*, рефлексы которого стали основными в пермских языках.

- ФУ **kucV* 'береза' [22: 211].

ФИН.: *kaski* (gen. *kasken*) 'ободранное дерево; диал. молодая береза' (> Saam. N *gaš'ka*^o -*āš'k* 'длинный березовый ствол'), *kaskisto* 'лиственная роца',

ЭСТ.: *kask* (gen. *kase*),

МАР.: *kuč'i*,

УДМ.: *kjž'-pu* (S), *kis'-pə*, *kič'-pə*, *kəč'-pə* (K), *kjž'-pu* (G),

КОМИ: *kjž'* (SP), *kəž'* (PO),

ХАНТ.: *ku't* (V), *χus'* (O), *χunt* (DN) 'внешняя, изготовленная из березовой древесины часть лука' (> МАНС. *χun'sij* 'твердый о дереве'),

МАНС.: *khāsnä-jout* (K) 'лук из голой кремлины', *khāšnè* (LM) 'гнувшийся', *χūsna* (So.) 'часть лука, изготовленная из березы'

См. [15]; [25].

Мы предлагаем добавить в эту этимологию МАР. *кучи* 'береза'. Это сравнение отсутствует в [22], но марийское слово идеально соответствует уральскому фонетически и семантически. Как отмечается в [22], неясна принадлежность финского и эстонского слов к этой этимологии (по развитию вокализма и инлаутного консонантизма).

В хантыйском языке появляется новое название березы, восходящее к

- ПУ *sVwV'ива, тальник'

Ива, тальник: МАНС.: *suw'ива'*,

ЭНЕЦ.: *sebo* 'место, где растет густой тальник',

Береза: ХАНТ.: *söymət*.

См. [19: 581b]; [24: 1319].

Это сравнение предложено нами. Фонетически оно безупречно проходит. Семантически такое соответствие вполне типично.

С чем связано появление новых названий березы в коми, удмуртском и хантыйском языках. Нам кажется, что этот факт можно объяснить, если обратиться к религиозным традициям тюркских и уральских народов Поволжья.

Существуют надежные свидетельства (фольклорные материалы, записи экспедиций, ср. [6], [1] и др., см. литературу в этих книгах) поклонения тюркских народов (алтайцев, сибирских татар, шорцев, якутов, чувашей) березе.

Например, в якутской былине герой идет к дереву покровителю своего дома, он «поднял уши своей шапки, опустился на одно колено и начал так петь-говорить: «почтенная и священная госпожа, дух хозяйка моего дерева и жилья!... хочу я ехать и отыскать себе подходящую девушку... не откажи мне в своем благославении, умоляю тебя с наклоненной покорной головой и преклоненным коленом», «Дай нам, обращается бездетный старик в якутской сказке к своему священному дереву, березе, дай нам сына...За что ты рассердилась на нас и не дала нам ребенка? Ведь ты можешь дать! Мы, кажется, ничем не обижали тебя, жили с тобой в дружбе, поэтому тебе следует дать» [6].

У алтайцев топографическим центром жертвоприношения является береза (ср. [6]).

Весной после очищения реки ото льда шорцы собирались в священной березовой роще для свершения обряда угощения духов. В начале праздника мужчины подходят к самой старой березе и каждый, кланяясь, говорит «Здравствуй! Пришли к Вам в гости на Ваше угощение посмотреть». После этого залезают и вешают на березу ленточки.

Идея соития с деревом присутствует в кумандинском ритуале «Кога-Кан»: мужчина, исполняющий в этом ритуале главную роль, наряжен в берестяную маску и держит в руках деревянный фаллос. Вступая в символическое соитие со встречными, он передавал им часть «природной потенции».

Культ березы присутствовал и у уральских народов: коми, удмуртов, хантов и марийцев.

В этом плане интересно вспомнить о священной березе коми, на которой покоилась старая вера народа, и уничтожение ее означало разрушение прежней системы мироустройства [2]. Рассказывают, что как-то Стефан Великопермский, крестивший зырян, срубил священную березу, которой они поклонялись. И он услышал стоны и угрозы, и полилась кровь, и наступила черная ночь.

Четко прослеживаются у коми-зырян и коми-пермяков пережитки культа деревьев. По фольклорным данным, некогда у них на главных святилищах стояли огромные березы, около которых и совершались главные языческие празднества. И сейчас во многих селениях рассказывают о стоявших около них могучих березах, соснах или елях, возле которых собиралось население в определенные календарные праздники.

У слободских удмуртов бытовал обряд 'Иммала ветлон', в основе которого был культ березы, шарканские удмурты поклонялись березе, которая отвечала за смену времени года, она определяла даже поворот солнца на весну, обладая космической функцией.

Удмурты почитали отдельно стоящие в поле березы, их запрещалось рубить, под ними молились.

Ханты, живущие на реке Сыня, свои женские торжества отмечали тоже в Вороний день. На священных местах они готовили пищу на костре, молились духам, кланялись березе.

У марийцев тоже существовал культ березы. Горные мари называли березу 'великой', двор каждого хозяина украшался березой. «Охраняли мы деревья-то. Вот на дуб, который стоял в керемети, молились старые деды. А старухи больше на липу молились. Если подохнет скотина какая, корова или что-то, в котомку клали рога и вешали на липу. А если стоит среди поля маленький ельничек и липы посреди него, то это

керемет. Посреди керемета стоит старая береза. Она главной была. Там заповеди давали, молились. А если кто ветки ломал, так тому человеку плохо бывало или умирал он», [9].

Таким образом, тюркские (алтайцы, сибирские татары, шорцы, якуты, чуваши) и уральские (коми, удмурты, ханты, марийцы) народы поклонялись березе.

У тюркских народов культ березы сохраняется и в настоящее время. Носители тюркских языков Сибири: алтайцы, сибирские татары, шорцы, якуты, хотя и приняли в XVII-XVIII вв. христианство, всегда оставались скрытыми поклонниками шаманизма. Чуваша с середины XVIII в. считались самым христианским народом в Поволжье, но в последние годы некоторые из них возвращаются к язычеству: поклоняются солнцу, луне, духам земли и жилища, духам-предкам, не отказываясь, впрочем, и от православия.

Наоборот, среди уральских народов Сибири и Поволжья лишь марийцы смогли в значительной степени сохранить религиозные традиции своего народа. На протяжении многих веков религия была и остается для марийцев символом этнического единства и сплочения, одним из важнейших элементов самосохранения и защиты от угрозы ассимиляции. Неудивительно, что, как только окончился период гонений на религию, начался процесс активного возрождения и обновления традиционной марийской веры. Это проявилось в восстановлении священных мест, возобновлении молений с жертвоприношением и совместной трапезой. Уральские марийцы вновь стали проводить общественные моления в рощах, как веками делали их предки. «Дивный был пенек, вместо аналоя нам служил. Дивное было лесное озеро, вместо золотой купели служило... вместо блестящей церкви служил густой лес, деревья служили вместо золотых подсвечников... с причтом лесные птицы воспевали», - говорили марийцы [9].

Любопытную марийскую былинку «Почему кереметы в Кувербе не спилили» записал в начале 90-х годов Н. Морохин. «В начале тридцатых годов сюда пришли колхозы организовывать. Один приехал из города на Кувербу, стал председателем. По дороге из Кувербы на Пижму у марийцев была священная роща. Вот председатель и говорит: «Мешает для обработки земли, давайте срубим ее!». А дело на собрании было. Мужики

молчат, председатель пальцем показывает: «Ты, ты, и ты - рубить пойдете!». Мужики молчат, не возражают. Но никто не выполняет. Потом месяц, что ли, прошел, он других назначает. Опять никто не выполняет. Это как же - керемет рубить! Так он все приказывал, все назначал, а рощу никто не шел рубить. Она до сих пор цела».

Коми, удмурты и ханты в разное время перестали поклоняться природе. По указу Петра I началось массовое крещение манси и хантов, которое осуществлял митрополит Филофей Лещинский, названный впоследствии Сибирским апостолом. Насколько известно по материалам экспедиций (ср., например, подробное описание [6]), хотя самодийцы и ханты не забыли языческих обрядов, все же уже не удастся установить подробности их культовых традиций.

Удмурты и коми были крещены еще раньше, этому активно способствовала миссионерская деятельность Стефана Пермского, основавшего Пермскую епархию в Усть-Выми в 1383 году.

Анализируя этот материал, мы предполагаем, что существует связь между сохранностью культа и слов, описывающих этот культ. В тех случаях, когда традиция поклонения предмету культа не прерывается, сохраняются и слова, его обозначающие (ср. сохранение названия березы у алтайцев, сибирские татар, шорцев, якутов, чувашей, марийцев). При изменении религиозных обрядов уходят и слова с ними связанные (ср. появление новых названий для березы у коми, удмуртов, хантов). Всегда ли связь между культом и словом, его описывающим, столь однозначна, как в названиях березы, неизвестно. Мы надеемся, что это позволят установить дальнейшие исследования.

Список сокращений.

АЗ. - азербайджанский	КБАЛК. - карачаево-балкарский
АЛТ. - алтайский	КИРГ. - киргизский
БАШК. - башкирский	ККАЛП. - каракалпакский
ВЕНГ. - венгерский	КОМИ
ГАГ. - гагаузский	S - сысольский
ДОЛГАН. - долганский	P - пермяцкий
КАЗ. - казахский	PO - восточно-пермяцкий
КАМАС. - камасинский	VU - нижневычегодский
КАРАЧ. - карачаевский	КРХ.-УЙГ. – караханидско-уйгурский
	КУМ. - кумыкский

МАНС. - мансийский	Ке - кетский
ТJ - тавдинский (деревня Янычкова)	СР.-КЫПЧ. - средне-кыпчакский
KU - ниже-кондинский	ТАТ. - татарский
TG - тавдинский (деревня Городок)	ТОФ. - тофаларский
KM - средне-кондинский	ТУВ. - тувинский
So - сосвинский	ТУР. - турецкий
Lu - ниже-лозьвинский	ТУРК. - туркменский
P - пелымский	УДМ. - удмуртский
N - северно-мансийский	S - сарапульский
МАР. - марийский	G - глазовский
V - ветлужский	K - казанский
KB - козмо-демьянский	УЗБ. - узбекский
M - малмыжский	УЙГ. - уйгурский
МАТОР. - маторский	ФИН. - финский
МОРД. - мордовский	ФУ - финно-угорский
E - эрзянский	ХАК. - хакасский
M - мокшанский	ХАНТ. - хантыйский
НГАН. - нганасанский	V - ваховский
НЕНЕЦ. - ненецкий	Vj - васюганский
O - обский	DN -
T - тазовский	верхнедемьянский
НОГ. - ногойский	Ni - низямский
ПОБУГ. - праобскоугорский	O – обдорский
ПУ - прауральский	ЧУВ. - чувашский
СААМ. - саамский	ШОР. - шорский
N - норвежско-саамский	ЭНЕЦ. - энецкий
L - Люле	V - байский
Ко - Колтта	ЭСТ. - эстонский
I - Инари	ЯК. – якутский
Pitā - Пите	
СЕЛЬКУП. - селькупский	
Ta -тазовский	

Список литературы.

1. Борейко В.Е. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Новосибирск, 1998.
2. Владыкин В.Е., Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.
3. Традиционное мировоззрение тюрков Сибири: Человек. Общество. ред. Гемуев И.Н.. Новосибирск, 1989.
4. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. М., 1984.

5. Гемуев И.Н., Сагаев А.М. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.
6. Горохов, Юрюнь-Уолань ч.1 Изв. Вост. Сиб. отд. И.Р.Т.О. т- XI 5-6, Иркутск, 1885.
7. Деревья и кустарники СССР. Москва, 1966.
8. Дмитриева Л.В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Ленинград, 1972, с. 135-192.
9. Морохин Н.В. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев. 1997.
10. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974-1980. Т. I-III; [Севортян Э.В., Левитская Л.С.] Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на буквы "Ж", "Ж", "Й" / Авт. сл. статей Э.В.Севортян, Л.С.Левитская. М., 1989; дальнейшие тома в рукописи. При ссылке на том ЭСТЯ указывается год выхода тома в свет. Отсутствие указания на год выхода тома в свет (нередко при этом указывается номер тома) свидетельствует о том, что читатель отсылается к материалам томов, еще не опубликованных).
11. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 томах. Чебоксары, 1996.
12. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь, М., 1989.
13. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I-III. Főszerk. Benkő Loránd. Szerk. Kiss Lajos-Papp László (1-2), Kubinyi - Papp László (3). Budapest 1967-1976.
14. A magyar szókészlet finnugor elemei. 1-3. Budapest 1967, 1971, 1978.
15. Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm 1955.
16. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. I; Wiesbaden, 1965. II; Wiesbaden, 1967. III.
17. Helinski E. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis - Grundzüge der Grammatik - Sprachgeschichte. Szeged 1997.
18. Honti L. Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.
19. Munkácsi B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986.

20. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I und II. Bern, München, 1959.
21. Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969.
22. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest 1986-1989.
23. Sauvageot A. Recherches sur le Vocabulaire des Langues Ouralo-Altaiques. These proposée a la Faculté des Lettres de l'Université de Paris. Budapest 1929.
24. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin 1966- (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin).
25. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I, Helsinki 1955 [Autor] Y. H. Toivonen; II, 1958 [Autoren] Y. H. Toivonen-E. Itkonen-Aulis J. Joki; III, 1962 [Autoren] E. Itkonen-Aulis J. Joki; IV, 1969 [Autoren] E. Itkonen-Aulis J. Joki; V, 1975 [Autoren] E. Itkonen-Aulis J. Joki - R. Peltola; VI, 1978 [Autoren] E. Itkonen-Aulis J. Joki - R. Peltola (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII. 1-6).

ⁱ Ср. примеры развития сочетания ПУ **ojw* в мордовском: ПУ **kojwa* 'копать, черпать' > МОРД. *kojme*, *kojm?*(E), *kajm?*(M), ПУ **ojwa* 'голова, главный' > МОРД. *ujfьc-* (M) 'начать'